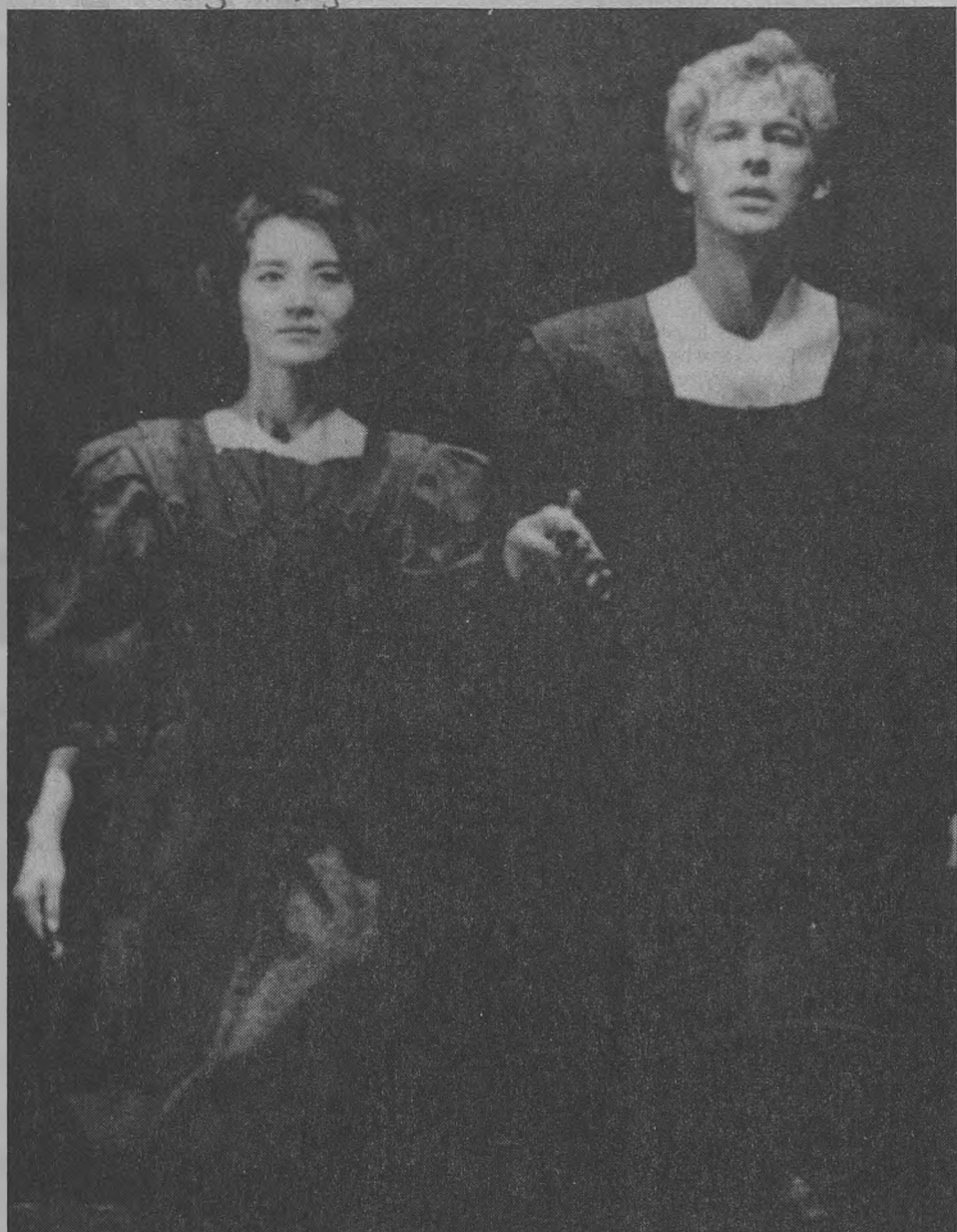

Диктатор Романыч

Odessa Gas - 1995. - 24 авг. - с 11

Сцена из спектакля «Ромео и Джульетта»

6 СЕНТЯБРЯ театр «На Юго-Западе» откроет свой девятнадцатый сезон. Для театра-студии, с которой все начиналось, — подобный срок необычайно велик. А театр «На Юго-Западе» продолжает жить так, словно изменчивые ветры времени обошли его стороной. Все тот же Валерий Белякович во главе, все тот же «костяк» театра, правда, в последние годы труппа пополнилась новыми актерами — совсем молодыми. И возникает ощущение, что не выдохлись они, а наоборот — познали некую тайну. Иначе отчего же так влечет к ним не только многолетней давности фанов, но и студентов, что в дни распродажи билетов прогуливают лекции и семинары ради того, чтобы в третий, пятый, двадцать пятый раз увидеть старые спектакли: «Калигулу», «Мольера», «Гамлета», «Эскориал», «Самозванца», «Носорогов»?..

Про это Белякович рассуждать не любит: приходят, значит, чувствуют здесь правду; значит, понимают, что говорят с ними всерьез. Вот и все — никаких секретов. Может быть, он прав?..

Однако на этот раз наш разговор пошел о другом — накануне своего юбилея (хотя режиссер отказывается считать юбилеем сорокапятилетие, которое имеет место быть 26 августа, и даже демонстративно уезжает из Москвы) Валерий Белякович провел три месяца в Японии.

— Твой театр пользуется популярностью не только в России. У меня такое ощущение, что ни один иностранец, будь он хоть негром преклонных годов, не пройдет мимо театра «На Юго-Западе»...

— Ну, насчет всего мира не знаю, а вот в Японии, действительно, нас хорошо знают. Мы обезджили почти все острова, исключая лишь Хоккайдо, даже справили во время нынешней поездки своеобразный юбилей: сто городов Японии, в которых мы играли. А если учесть, что ходят на спектакли театральные любители (есть в Японии такие специальные объединения), то Виктора Авилова, например, в этот наш приезд встречали просто как национального героя: его помнят по прошлым гастролям, когда мы привозили в Японию «Гамлета».

— С чего начался этот японский роман?

— Несколько лет назад мы возили на фестиваль в Иокагаму спектакль «Собаки»: познакомились с менеджерами, продюсерами «Джэпан артс», они заинтересовались нашим театром — приехали в Москву, посмотрели «Гамлета» и пригласили нас на долгие гастроли в Японию. Пресса была триумфальной, и токийский театр «Тоэн», ориентированный на систему Станиславского, предложил мне поработать над совместным проектом. Руководству театра пришла идея поставить «Ромео и Джульетту» силами двух трупп — японской и русской. Я сначала поставил спектакль у себя «На Юго-Западе», чтобы проверить: что выходит? После этого приехали представители «Тоэн», посмотрели, им понравилось, и началась наша совместная работа. Премьера состоялась два года назад, и, по мнению японских зрителей, получилось очень удачно. А японцы такой народ, что удачное с их точки зрения надо выжать до конца: в этом году ту часть труппы, что занята в русско-японском Шекспире, они пригласили на три месяца.

— Спектакль идет на русском и японском языках. Создается совершенно особый контекст, в котором семьи Монтеки и Капулетти просто не в состоянии понять друг друга, а юные влюбленные оказываются выше языкового барьера... Да и по мелодии стиха это, должно быть, две разные стихии. В твоём театре это был и есть совершенно другой спектакль. Другой и о другом, не так ли?

— У меня сохранились отзывы жителей города Кобэ. Мы давали бесплатные спектакли сразу после этого ужасающего землетрясения, и перед началом каждого спектакля я говорил несколько слов, потому что это было по-настоящему волнующее: у людей такая трагедия, а они толпами в театр идут... И надо было видеть, как

смотрели, как плакали... Может быть, от эмоциональной обостренности ощущения трагедии. И почти все писали, что не замечают этих двух языков, что титры на экранах по бокам сцены оказывались для них ненужными. Я вообще убежден, что «Ромео и Джульетта» — один из немногих спектаклей в мировой драматургии, которому перевод не требуется.

Вообще, японцы народ удивительный. Они так влюбляются, так преданно и доверчиво готовы дружить. Ни на кого не похожий народ. Я теперь, побывав несколько раз подолгу в этой стране, буквально вздрагиваю, когда читаю или слышу, что все японцы похожи до неотличимости. Какие же они разные! И города японские все разные: только на первый взгляд может показаться, что они одинаковые. Японцы очень тянутся к нам, но одновременно и боятся: такой медведь лежит под боком... А в своем трудолюбии они, действительно, как муравьи. Кажется, ни минуты не проходит просто так. В бездельи. Знаешь, когда впервые попадаешь в токийское метро, чувствуешь себя просто дико: несется вокруг темноголовая толпа по плечо тебе, а ты — какой-то лысый утес, громоздящийся здесь непонятно зачем... А какой они театр построили в одном из центральных районов Токио. Это самый, наверное, современный театр в мире, с тремя фантастически оснащенными сценическими площадками, архитектура какого-то космического уровня. Даже в далеком заштатном городке — театр и непременно дороги для слепых и инвалидов, хотя я лично ни одного слепого там не видел. Бесконечная забота о себе. Хорошо это или плохо? Нас всегда учили, что плохо. Их ведь так много, а они не ругаются, не истребляют друг друга, хотя трутся буквально плечо о плечо. И любят театр.

Вот в Тоттори, а это был наш последний город, я вышел из гостиницы и увидел: какие-то дети разложили коврики посреди улицы, натянули маски и играют спектакль, а на другой улице — какие-то, по виду, студенты. Я подумал: фестиваль театров-студий, что ли? А мне объясняют: у нас тут каждую субботу так. Каждую субботу город расслабляется — как? да всякими возможными театральными играми, а не пьяными драками, не митингами до хрипоты. И к артистам отношение почти молитвенное: выходит Ромео, наш Толя Иванов, после спектакля, его толпа зрителей ждет, он для них полубог, до него дотронуться — счастье.

— И все эти три месяца вы играли каждый вечер?

— Иногда и по два раза в день. Несмотря на переезды и репетиции, сыграли семьдесят спектаклей.

— Есть еще какие-нибудь совместные идеи после такого блистательного эксперимента?

— Да, японцы очень хотят продолжения, они думают снова о Шекспире, а я, честно говоря, немного теряюсь. Сейчас у меня другие планы, в частности, приглашение в Берлин — я только что оттуда вернулся, смотрел площадку: меня интересуют, насколько «вывозной» наш спектакль «Мастер и Маргарита».

— Готовитесь ли вы как-нибудь к 20-летию театра в будущем году? Это ведь очень много, к тому же — у руля все годы единственный непререкаемый авторитет, против которого, насколько мне известно, труппа не бунтовала ни в какие времена.

— Ну, не совсем. может быть, непререкаемый. Для тех, с кем я вместе начинал и работаю до сих пор, я друг, я — Романыч...

— Ты диктатор?

— В какой-то степени... По-моему, эта черта вообще входит составную часть в режиссерскую профессию. Когда ставлю в чужих театрах, я, естественно, веду себя не так, как у себя. Спорю меньше, соглашаюсь чаще, хотя и знаю твердо, что получится хуже. А у себя... Здесь же я за все отвечаю — перед своими актерами, перед своими зрителями. Представь себе режиссера не диктатора, что в этом хорошего, а?

Беседовала Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ